

КИМЕЛЕВ Ю. А., ПОЛЯКОВА Н. Д.
КОНЦЕПЦИЯ ОБЩЕСТВА ЮРГЕНА ХАБЕРМАСА

Концепция общества Юргена Хабермаса имеет ряд специфических особенностей, отличавших ее от других современных социологических теорий.

Во-первых, по мнению Хабермаса, теория общества фактически совпадает по объему с социологической теорией. Разумеется, в истории социологической мысли были попытки сделать социологию специальной наукой, занимающейся социальной интеграцией (одна из четырех подсистем общества по Т.Парсонсу). Однако не случайно, что все крупные социологи были и крупными теоретиками общества. "Социология, - указывает В.Хабермас, - единственная из социально-научных дисциплин, сохранившая отношение к совокупным проблемам общества. Она всегда оставалась теорией общества..." (I, с. 20).

Во-вторых, социология - это наука о развитии общества, его исторической трансформации. Этим Хабермас радикальным образом отличается, к примеру, от Парсонса, которого интересует социальная система и ее функционирование безотносительно к историческому измерению.

Хабермас придерживается сугубо исторического подхода к социологии. Социология возникает как теория буржуазного

общества. Ее задача - объяснить протекание и аномийные формы капиталистической модернизации добуржуазных обществ. В этой перспективе темой социологии становятся "те изменения в социальной интеграции, которые в строении старых европейских обществ были вызваны возникновением современной системы государств и вычлениением хозяйственной системы, регулируемой рынком. Социология становится наукой кризисов, по преимуществу занимающейся, прежде всего, "аномийными" аспектами распада традиционных и образования современных общественных систем" (I, с. 19).

В-третьих, Хабермас считает, что указанный процесс и проблематика образуют ту перспективу, в которой социология осуществляет разработку своих базисных понятий. Такими базисными понятиями является система понятий, описывающих указанный выше процесс как процесс рационализации жизненного мира. Возрастание рациональности - это нерв исторического и социального процесса, вслед за М.Вебером считает Ю.Хабермас, и социология среда всех социальных наук в наибольшей степени приближается к проблематике рациональности.

При этом Хабермас подчеркивает, что проблематика рациональности не привносится в социологию извне. Перед всякой теоретической социологией стоит проблема использования понятия рациональности на трех уровнях: метатеоретическом, методологическом и эмпирико-теоретическом уровне, связанных с вопросом о том, в каком смысле модернизация обществ может быть описана, как рационализация. В этом рефлексивном мониторинге теории состоит четвертая особенность теории общества Ю.Хабермаса, которую он характеризует как теорию, стремящуюся "выявить свои критические масштабы".

Теория общества у Ю.Хабермаса состоит из трех взаимосвязанных теоретических комплексов: 1) теории коммуникативного действия и коммуникативной рациональности; 2)

двойственной конструкции общества, которая увязывает парадигмы жизненного мира и системы; 3) теории модерна, которая объясняет сегодняшние становящиеся все более очевидными социальные патологии посредством указания на то, что коммуникативно структурированные жизненные миры начинают подчиняться императивам, ставшим самостоятельными, формально организованных систем действия.

Теория общества разрабатывается Хабермасом в постоянном соотношении с историко-социологической традицией. Ключевым и стартовым моментом в деле разработки теории общества во всех трех комплексах следует считать его работу "К реконструкции исторического материализма".

В работе "К реконструкции исторического материализма" Хабермас начинает с рассмотрения самых основных понятий и посылку исторического материализма. В качестве указанных понятий избираются понятия "общественный труд" и "родовая история".

Общественно-организованный труд - это тот специфический способ, которым люди, в отличие от животных, воспроизводят свою жизнь. С социологической точки зрения это означает: 1) целенаправленное изменение материала природы по правилам инструментального действия; 2) общественную кооперацию индивидов в сфере производства по правилам стратегического действия; 3) распределение произведенных продуктов предполагает систематическую связь взаимных ожиданий, или интересов, требующих правил интеракции, которые на интересубъективном речевом уровне признаются в качестве норм, эти нормы образуют правила коммуникативного действия.

Хабермаса интересует вопрос, "в достаточной ли степени характеризует понятие общественного труда форму воспроизводства человеческой жизни" (3, с. 147). Для ответа на этот вопрос он считает необходимым обратиться к историко-антропологическому материалу, помогающему определить условия

возникновения специфически человеческой формы существования, каковой является общество. Он следующим образом резюмирует свои исследования в этой области:

- понятие общественного труда является фундаментальным, поскольку достижение уровня общественной организации труда и распределения, очевидно, предшествует сложившейся речевой коммуникации, а эта, в свою очередь, предшествует развитию социальных ролевых систем;

- специфически человеческая форма существования возникает и может быть достаточным образом охарактеризована, когда мы понятие общественного труда соединяем с понятием "семейного организационного принципа";

- структуры ролевого действия обозначают - в противовес структурам общественного труда - новую ступень развития: правила коммуникативного действия нельзя сводить к правилам инструментального или стратегического действия;

- производство и социализация, общественный труд и забота о потомстве имеют равно важное значение для воспроизводства рода; фундаментальное значение имеет семейная общественная структура, которая управляет и тем и другим: "интеграцией" как внешней, так и внутренней природы.

Маркс, напоминая Хабермас, связывает понятие общественного труда с понятием родовой истории. Поддерживая свою жизнь посредством общественного труда, люди одновременно производят свое общество и исторический процесс, в котором они изменяются вместе с изменением общества.

Ключом к реконструкции родовой истории служит понятие способа производства. "Маркс постигает историю как дискретную последовательность способов производства, которая, будучи расположена в соответствии с логикой развития, позволяет постичь направление социальной эволюции" (3, с.152). Способ производства характеризуется определенным уровнем развития производительных сил и определенными формами производственных отношений. Производительные силы состоят из:

а) рабочей силы производителей; б) технического знания, воплощаемого в средствах производства; в) организационного знания, служащего мобилизации, квалификации и организации рабочей силы. Производственные отношения - это институты и общественные механизмы, которые определяют, каким способом рабочая сила комбинируется с наличными средствами производства. Регулирование доступа к средствам производства, или вид контроля общественно используемой рабочей силы, определяет опосредованно и распределение общественного произведенного богатства. Производственные отношения выражают распределение социальной власти.

Исторический материализм исходит из того, что производительные силы и производственные отношения образуют структуры, которые: а) соответствуют друг другу; б) определяют конечное число структурно-аналогичных ступеней развития, так что в) складывается логически ряд способов производства, упорядочиваемый в соответствии с логикой развития.

В качестве основных положений исторического материализма Хабермас выделяет диалектику производительных сил производственных отношений и "теорему о надстройке".

"Рассмотрение связи, в которой Маркс выставляет свою теорему о надстройке, показывает, что она, прежде всего, относится к той критической фазе, когда общество переходит к новому уровню развития. Имеется в виду не какая-то онтологическая конституция общества, а ведущая роль, принадлежащая экономической структуре в общественной эволюции... Маркс вводит понятие базиса для того, чтобы очертить круг проблем, с которыми должно соотноситься объяснение эволюционных обновлений. Теорема, кроме того, означает, что эволюционные обновления решают лишь такие проблемы, которые возникают в области базиса общества" (с. 158).

Не следует считать, что базис всегда совпадает с экономической системой. Это верно только в отношении

капиталистического общества. Производственные отношения регулируют доступ к средствам производства и опосредованно регулируют распределение общественного богатства. В первобытных обществах эту функцию выполняют системы родства, а в обществах, достигших культурной стадии, - системы господства. Лишь при капитализме производственные отношения выступают в качестве таковых и принимают экономическую форму. "То институциональное ядро, вокруг которого кристаллизуются производственные отношения, определяет форму социальной интеграции. При этом под социальной интеграцией я понимаю, пишет Хабермас, вместе с Дюркгеймом, обеспечение единства социального мира посредством ценностей и норм. Когда проблемы системы не могут быть решены в соответствии с господствующей формой социальной интеграции, когда она сама должна быть революционизирована для создания возможностей новых решений, то возникает опасность для идентичности общества" (3, с. 159).

Переходя к рассмотрению диалектики производительных сил и производственных отношений, Хабермас указывает, что эта диалектика зачастую понималась и понимается в "техницистском смысле". В этом случае теорема о соотношении производительных сил и производственных отношений означает, что техника производства навязывает не только определенные формы организации и мобилизации рабочей силы, но и навязывает - через общественную организацию труда - соответствующие ей производственные отношения. Процесс производства предстает при этом таким образом, что "человек через производительные силы порождает и производственные отношения" (3, с. 159). У Энгельса, Плеханова, Сталина и других понятие "вытекания" производственных отношений из производительных сил понимается, по мнению автора, на основании моделей инструментального действия.

Именно в этом пункте Хабермас осуществляет ревизию Марксистской традиции. Род учится не в сфере инструментального

и стратегического разума, а в сфере коммуникативного".

"Мы должны отделять плоскость коммуникативного действия от плоскости сочетаемого в общественной кооперации инструментального и стратегического действия. Если мы примем это во внимание, то теорема (о соотношении производительных сил и производственных отношений) может быть понята следующим образом. А) имеется эндогенный механизм научения, который обеспечивает спонтанный рост технически и организационно применимого знания и его использование в производительных силах. Б) какой-либо способ производства находится в состоянии равновесия, когда имеются структурные соответствия между уровнем развития производительных сил и производственными отношениями. Эндогенно обусловленное развитие производительных сил приводит к тому, что между обоими порядками возникают зазоры, которые порождают неравновесия в данном способе производства и должны вести к опрокидыванию существующих производственных отношений" (3, с. 160). Хабермас отмечает, что эта версия, которую можно назвать структуралистской, оставляет неясным, в чем состоит механизм развития, посредством которого можно было бы объяснить эволюционные новации. Постулированный механизм научения может объяснить рост когнитивного потенциала и даже его преобразование в технологию. Но этот механизм научения не объясняет, как должны быть решены возникающие проблемы. Введение новых форм социальной интеграции, например, замена систем родства государством, требует знания морально-практического вида, а не технически-применимого знания, которое может быть воплощено в правилах инструментального и стратегического действия. "Эндогенный рост знания является необходимым условием социальной эволюции. Но лишь когда возникли новые институциональные рамки, тогда с помощью накопленного когнитивного потенциала могут быть решены не решенные до этого времени проблемы, из чего следует рост производительных сил" (с. 162).

Хабермас следующим образом подводит итог вышеизложенного:

- проблемы той или иной системы, которые не могут быть решены без эволюционных новаций, возникают в сфере базиса общества;

- более высокий способ производства означает новую форму социальной интеграции, кристаллизующуюся вокруг нового институционального ядра;

- эндогенный механизм обучения обеспечивает накопление когнитивного потенциала, который может быть использован для решения проблем, порождающих кризис системы;

- но это знание может быть реализовано только с наступлением развития производительных сил, когда произошел эволюционный переход к новым институциональным рамкам и новой форме социальной интеграции (3, с.162).

Однако остается открытым вопрос, как осуществляется этот переход. Deskриптивный ответ исторического материализма заключается в указании на социальные конфликты, социальные движения и политическую борьбу. Только конкретный анализ может показать, почему то или иное общество совершает эволюционный переход и почему социальная борьба в определенных обстоятельствах ведет к новой форме социальной интеграции и тем самым к новому уровню развития общества. "Ответ, который я мог бы предложить, - заявляет Хабермас, - заключается в следующем. Род учится не столько в сфере технически применимого знания, являющегося решающим для развития производительных сил, но и в сфере морально-практического сознания, решающего для структур интеракции. Правила коммуникативного действия развиваются, разумеется, в реакции на изменения в области инструментального и стратегического действия, но следуют при этом своей собственной логике" (3, с. 163).

Историко-материалистическая концепция родовой истории включает реконструкцию общественного развития в терминах

"развивающегося ряда способов производства". Хабермас стремится указать "некоторые преимущества и трудности применения" такого построения. Преимущества проявляются при сопоставлении с иными конкурирующими попытками организовать исторический материал в соответствии с логикой развития. Примером подобных попыток может служить периодизация в соответствии с основными материалами, подвергающимися обработке, или в соответствии с основными источниками используемой энергии. Однако со времен "неолитической революции" великие технические открытия не порождали новые эпохи, а лишь сопровождали их. "Рациональная последующая реконструкция истории техники непригодна для отграничения общественных формаций. Понятие способа производства не учитывает то обстоятельство, что развитие производительных сил является важным, но не единственно определяющим измерением для периодизации общественного развития. Возможны другие виды периодизации в зависимости от членения форм кооперации" (3. с. 164).

По мнению Хабермаса, понятие способа производства недостаточно абстрактно для того, чтобы "соответствовать универсалиям уровня общественного развития" (3, с. 167). Плоскостями, в которых возможно сравнение способов производства, являются: а) регулирование доступа к средствам производства и б) структурная соединимость этих правил с соответствующим уровнем развития производительных сил. В первой плоскости Маркс различает общественную и частную собственность. Представление об исключительном обладании средствами производства ведет лишь к разграничению обществ с классовой структурой и без таковой. Дальнейшая дифференциация по степени возобладания частной собственности и по формам эксплуатации слишком неточна для проведения четких сопоставлений.

По мнению Хабермаса, следует двигаться по пути все большего обобщения в поисках "высокоабстрактных принципов.

организации общества". "Под принципами организации я понимаю, - пишет Хабермас, - те новации, которые становятся возможными благодаря шагам в обучении и которые институционализируют каждый новый уровень обучения общества. Эти шаги реконструируются в соответствии с логикой развития. Принципы организации общества указывает пространство возможных действий общества, они определяют, в рамках каких структур возможны изменения институциональной системы и в каком объеме могут быть использованы наличные производственные мощности, соответственно в каком объеме может стимулироваться развертывание новых производительных сил" (3. с. 169).

Принципы организации общества могут быть охарактеризованы в первом приближении посредством того институционального ядра, который полагает ту или иную господствующую форму социальной интеграции. При попытке различать уровни социальной интеграции необходимо отличать: а) всеобщие структуры действия; б) структуры картин мира, поскольку она являются определяющими в отношении морали и права; в) структуры институционализированного права и обязательных моральных представлений.

Хабермас предлагает следующую схему исторического развития обществ.

Неолитические общества: а) конвенционально структурированная система действия, б) мифические картины мира, еще непосредственно сочетаемые с системой действия, в) правовое регулирование конфликтов с преконвенциональных точек зрения (оценка последствий действия, компенсация причиненного ущерба, восстановление прежнего статус-кво).

Ранние культуры: а) конвенционально структурированная система действия, б) мифическая картина мира, отделенная от системы действия, выполняет функцию легитимизации господства; в) конфликты регулируются с помощью конвенциональной морали, связанной с фигурой правителя, воплощением справедливости.

Развитые культуры: а) конвенционально структурированная система действия, б) разрыв с мифическим мышлением, образование рационализированных картин мира (с постконвенциональными правовыми иммиоральными представлениями), в) конфликты регулируются с помощью конвенциональной морали, не соотносимой с фигурой правителя (зависимое от традиции, но систематизированное право).

Модерновые общества: а) постконвенционально структурированные сферы действия: вычленение универсалистски управляемой сферы стратегического действия (капиталистическое предприятие, буржуазное частное право). Основанная на формальных принципах система политического волеизъявления (формальная демократия); б) универсалистски построенные доктрины легитимизации (рациональное естественное право); в) конфликты регулируются с точки зрения четкого отделения законности и морали; всеобщее, формальное или рационализированное право, руководствующаяся принципами частная мораль.

Итак, в работе "К реконструкции исторического материализма" Хабермас, анализируя и реконструируя концепцию общества у Маркса, вырабатывает критическую позицию, согласно которой общество и процесс его развития не могут быть объяснены и не могут определяться сферой производства, или экономической сферой инструментального и стратегического действия. Человечество учится в сфере и движется вперед не только когнитивного, но и ценностно-нормативного знания, и общество определяется соответственной сферой коммуникативного разума. Общество характеризуется поэтому господствующей формой социальной интеграции. Систематическое развитие эта идея Хабермаса находит в его двухтомном труде "Теория коммуникативного действия", где на основе соответствующей теории социального действия им разрабатывается его собственная оригинальная теория общества.

Хабермас указывает, что все используемые в социально-научных теориях понятия действия можно свести к четырем основным. 1. Понятие "телеологического действия" еще со времен Аристотеля образует сердцевину философской теории действия. Актер достигает своей цели, выбирая сулящие успех средства и надлежащим образом применяя их. 2. Телеологическое понятие действия может быть расширено до "модели стратегического действия". Оно соотносится не с отдельно взятым актером, но с членами какой-либо социальной группы, ориентирующими свои действия в зависимости от общих ценностей. Нормы выражают наличествующее в группе взаимопонимание. Центральное понятие "следования нормам" означает исполнение какого-то общего поведенческого ожидания. Такая нормативная модель действия лежит в основе теории ролей. 3. Понятие "драматическое действие" не соотносится ни с отдельным актером, ни с членом какой-то социальной группы. Оно соотносится с участниками интеракции, образующими друг для друга публику, перед которой они выступают. Актер вызывает в публике определенный образ самого себя посредством того, что целенаправленно раскрывает свой субъективный мир. Основное понятие "саморепрезентация" передает намеренную стилизацию в выражении своих переживаний, а не спонтанное самовыражение. 4. Понятие коммуникативного действия "соотносится с интеракцией по меньшей мере двух владеющих речью, способных к действию субъектов, которые вступают (с помощью вербальных или экстравербальных средств) в межличностное отношение. Актеры стремятся достичь понимания относительно ситуаций действия с тем, чтобы согласно координировать планы действия и сами действия" (4, с. 128). Центральное понятие интерпретации связано в первую очередь с достижением согласия относительно характеристики ситуаций. В этой модели действия особое значение приобретает язык.

Хабермас предлагает свою классификацию действия и

разделяет все действия на коммуникативные, идя ориентированные на взаимопонимание, и формальные действия, ориентированные на результат. Помимо этих двух фундаментальных различий, связанных с ориентацией, действия различаются между собой используемым в них типом и образом знания и формами аргументации. Эти моменты составляют три главных аспекта рациональности действия, которые позволяют Хабермасу предложить следующую схему типологии действий в зависимости от уровня их рациональности. Аспекты рациональности формальных действий сводятся к следующей схеме:

Схема I. Аспекты рациональности формальных действий

Типы действий	Тип заключенного в действия знания	Форма аргументации	Образец знания, передаваемого из поколения в поколение
Телеологическое действие: стратегическое, инструментальное	Знание, которое можно использовать технически и стратегически	Теоретический дискурс	Технологии или стратегии
Констативные речевые действия (разговор)	Эмпирико-теоретическое знание	Теоретический дискурс	Теории
Норморегулирующие действия	Морально-практическое знание	Практический дискурс	Представления о праве и морали
Драматургические действия	Эстетико-практическое знание	Терапевтическая и эстетическая критика	Произведения искусства

Сопоставление ориентиров действия, типов знания и форм аргументации, как указывает сам Хабермас, инспирируется

замечанием Вебера о том, что в условиях европейского модерна элементы эксплицитного знания переходят из науки, морали и искусства в различные области институционализированного обыденного действия, оказывая известное давление на сферу ориентации действия. В этом отличие от традиционалистского типа ориентация действия.

Данная схема представляет собой формальную прагматику Ю.Хабермаса, в рамках которой осуществляется разработка формальных типов действий. В отличие от них коммуникативное действие, ориентированное на взаимопонимание, является сферой эмпирической прагматики. Его среду составляют не формально организованные системы знания или экспертные культуры, не теоретический дискурс, а коммуникативная обыденная практика, основывающаяся на имплицитном знании. Жизненный мир образует среду коммуникативного действия. "Коммуникативное действие, - пишет Хабермас, - осуществляется внутри жизненного мира, в котором существуют участники коммуникация. В их сознании эта среда присутствует в предрефлексивной форме естественного принятия причин и ограниченно освоенных навыков" (4, с. 449).

Жизненный мир, стандартизированный при помощи языка для того, чтобы можно было понять его точное содержание, имеет, по Хабермасу, замечательные особенности. Его содержание составляет имплицитное знание, которое может быть представлено в бесконечно многих предложениях, оно представляет собой холистски структурированное знание, элементы которого указывают друг на друга, и оно является знанием, которым мы пока не располагаем. Мы не можем по желанию сделать его осознанным или сомнительным. Если же Философа попытаются это сделать, появится знание на уровне здравого смысла, которым, например, интересовался Г.Мур, и на которое ссылался Л.Витгенштейн в своих размышлениях "О достоверности". Витгенштейн называет достоверность составной частью нашей картины мира.

Жизненный мир в виде картины мира предстает как предрефлексивный поток коммуникативного действия. С картиной мира необходимо должен быть знаком служащий и действующий, чтобы понимать точное значение речевых актов и коммуникативно действовать.

Систематическое исследование жизненного мира осуществляется у Хабермаса следующим образом. 1. Рассматривается отношение жизненного мира к тем трем мирам, соотносясь с которыми отроют свои действия субъекты, ориентирующиеся на понимание при определении общей для них ситуации. 2. Понятие жизненного мира разрабатывается на основе феноменологических анализов. 3. Используемые в понимающей социологии понятия жизненного мира увязываются с повседневными понятиями. 4. Исследуются функции коммуникативного действия по поддержанию структурно отдифференцированного жизненного мира. Это создает условия для изучения необходимых условий рационализации жизненного мира. 5. Выявляются ограничения, присущие теоретическим подходам, в рамках которых общество отождествляется с жизненным миром.

1. Ситуация действия образует для ее участников центр их жизненного мира. У этой ситуации есть подвижный горизонт. Жизненный мир, которому принадлежат участники ситуации, определенным образом присутствует всегда. Иными словами, он образует фон актуальной ситуации.

Если отказаться от понятий, связанных с философией сознания, посредством которых Э.Гуссерль анализирует жизненный мир, то можно считать, что жизненный мир представлен передаваемыми через культуру и языково-организованными толкованиями мира. В этом смысле язык и культурная традиция выступают как трансцендентальная инстанция по отношению к той или иной ситуации. "Язык и культура имеют для жизненного мира конститутивное значение" (4, с.190). Участники коммуникаций в такой мере "пребывают в языке",

что для них невозможно занять какую-то "внемирскую" позицию по отношению к языку. Это же верно и относительно культурных образцов толкования мира, передаваемых этим языком.

Выходя за пределы данной конкретной ситуации, участники коммуникации оказываются не в пустоте, а в уже проинтерпретированной культурно самоочевидной сфере. В повседневной практике не встречаются совершенно незнакомые ситуации. И новые ситуации всплывают из жизненного мира, образуемого уже известным наличным в культуре знанием. По отношению к атому жизненному миру внемирская позиция возможна столь же мало, как и по отношению к языку как сфере понимания друг друга.

Категория жизненного мира обладает иным статусом в сопоставлении с формальными понятиями мира. Они образуют категориальное оснащение, с помощью которого можно вычлениать проблематичные ситуации, т.е. ситуации, в которых требуется достичь единства, в жизненный мир. Формальные понятия мира представляю! совокупность норм, фактов и переживаний как референты для речевой коммуникации, осуществляемой в горизонте жизненного мира. Различие в статусе заключается в том, что по отношению к языку и культуре нельзя занять такую же дистанцию, как по отношению к совокупности фактов, норм и переживаний.

2. В своем феноменологическом анализе жизненного мира Хабермас опирается на исследования А.Шютца и Н.Лукмана. Шютц и Лукман придерживаются "модели философии сознания", представляя жизненный мир таким, каким он отражается в субъективном переживании отдельных актеров. В рамках философии сознания "переживающий субъект" остается последним пунктом соотнесения для сознания. Хабермас же исходит из того, что феноменологическое описание жизненного мира, его анализ не породят трудностей, если "жизненный мир" будет рассматриваться как понятие, дополняющее

понятие "коммуникативное действие", в связи с чем следует обратиться к структурам созидаемой языковыми средствами intersubjectивности.

Однако в любом случае феноменологические исследования остаются связанными с "культуралистским понятием жизненного мира". В соответствии с этим понятием культурные образцы истолкований мира, ценности и способы выражения предстают как ресурсы, делающие возможным взаимопонимание участников взаимодействия, достижение ими согласия. Такое фоновое знание тематизируется в рамках той или иной ситуации, но не образует составной части этой ситуации, как и вообще язык и культура не являются составными частями ситуации действия.

Коммуникационно-теоретическое понятие жизненного мира вырастает из философии сознания и в чем-то отходит от него, но при этом остается в той же аналитической плоскости, что и присущее феноменологии трансцендентальное понятие жизненного мира. Оно приобретает посредством реконструкции дотеоретического знания, которая обладают говорящие. В перспективе участников социальной жизни жизненный мир предстает как горизонт, образующий контекст процессов понимания.

3. Коммуникационно-теоретическое понятие жизненного мира непосредственно для теоретических целей непригодно, поскольку не позволяет вычленить объектную сферу социально-научного знания, т.е. совокупную сферу герменевтически доступных исторических и социокультурных фактов. Для этих целей пригоднее скорее "повседневное понятие жизненного мира". "Такое повседневное понятие вычленяет из объективного мира область событий, о которых можно рассказать, соответственно вычленяет область исторических фактов" (4, с. 206).

Интеракции, вплетенные в сеть повседневной практики, образуют сферу, через которую воспроизводится культура,

общество и личность. Символические структуры жизненного мира воспроизводятся на путях сохранения и обновления знания, стабилизации групповой солидарности и формирования ответственных за свои действия актеров. Этим процессам культурного воспроизводства, социальной интеграция и социализации соответствуют структурные компоненты жизненного мира - культура, общество и личность. "Культурой я называю запас знания, из которого участники интеракции, стремясь достичь понимания относительно чего-либо в мире, черпают интерпретации. Обществом я называю легитимные порядки, через которые участники коммуникации устанавливают свою принадлежность к социальным группам, и тем самым обеспечивают солидарность. Под личностью я понимаю компетенции, делающие субъекта способным к владению речью и к действию, т.е. позволяющие ему принимать участие в достижении понимания и тем самым позволяющие ему утверждать свою идентичность" (4, с. 209).

4. Культурное воспроизводство жизненного мира обеспечивает преемственность традиции и когерентность знания, требуемого для повседневной практики. В социальном плане интеграция жизненного мира обеспечивает координацию действий посредством регуляции межличностных отношений и укрепляет идентичность различных групп. Жизненный мир делает возможной и социализацию индивидов, поскольку обеспечивает приобретение способности к действию, а также обеспечивает согласование индивидуальных "жизненных историй" с коллективными формами жизни.

5. При всем значении жизненного мира Хабермасу представляется неправомерной та роль, которой он наделяется в "понимающей социологии". В особенной мере следует, по его мнению, подвергнуть критике те ее варианты, которые исходят из "культуралистских" понятий жизненного мира и впадают, поэтому в "герменевтический идеализм". Обратной стороной такого подхода является методический дескриптивизм,

отказывающийся от притязаний на социально-научные объяснения. Сказанное относится, прежде всего, к феноменологическим, лингвистическим и этнометодологическим вариантам понимающей социологии.

Для понимавшей социологии жизненный мир коэкстенсивен с обществом "Если мы так постигаем общество, т.е. постигаем его как жизненный мир, то становимся приверженными трем фикциям: мы предполагаем а) автономно-действующих людей, б) независимость культуры и в) прозрачность коммуникации" (4, с. 224). Принимать эти фикции всерьез можно, только если исходить из того, что интеграция общества осуществляется на основе действия, ориентированного на понимание.

Согласно же Хабермасу, жизненный мир коэкстенсивен обществу только в ограниченных исторических сообществах, встречающихся только среди домодерновых обществ. В действительности же действия координируются не только посредством процессов понимания, но и через обезъязыковленные средства управления, через экспертные культуры, через функциональные связи, которые не являются результатом намерений действующих и которые сплошь и рядом большей частью даже не осознаются в пределах горизонта повседневной практики. В соответствии с этим переходные и современные общества демонстрируют два механизма социальной интеграции - коммуникативно структурированную и формально организованную, или сферу социальной и сферу системной интеграции.

При этом жизненному миру, или коммуникативной рациональности, коэкстенсивна только сфера социальной интеграции. Сферу же системной интеграции образует телеологическое действие, или инструментальная и стратегическая формы рациональности. Поэтому общество должно постигаться как двухступенчатое: анализ жизненного мира должен сочетаться с анализом системы.

Концепция общества у Хабермаса беспрецедентна в современной социологии, несмотря на то, что всеми своими компонентами она увязана с главными и фундаментальными теориями как современной, так и классической социологии.

Общество, постигаемое одновременно как система и как жизненный мир, является продуктом исторического развития, которое является процессом вычленения системы из тотальности жизненного мира. Это одна сторона процесса, другую и при этом главную ее сторону образует процесс дифференцированного возрастания рациональности жизненного мира и возрастания сложности системы. Такой сложный процесс, образующий суть социальной эволюции, носят различный характер на разных ступенях этой эволюции.

В социологии сложилась определенная конвенция, согласно которой можно вычленить следующие социально-эволюционные ступени: племенные общества; традиционалистские, или государственно-организованные общества; современные общества (с вычлененной хозяйственной системой). На каждой ступени появляются новые системные механизмы с соответствующим им уровнем сложности системы. Система и жизненный мир отчленяются друг от друга, причем этот процесс в эволюционной перспективе выглядит таким образом, что жизненный мир, который на ранней стадии коэкстенсивен с обществом вообще, во все большей степени становится определенной подсистемой наряду с другими. Системные механизмы во все большей мере отделяются от тех социальных структур, посредством которых осуществляется социальная интеграция. Современные общества достигают такого уровня системной дифференциации, при которой организации, ставшие автономными, вступают в отношения через "обезязыковленные" средства коммуникации. Такие системные механизмы направляют социальное общение, во многом обособившееся от норм и ценностей. Речь идет об управлении теми подсистемами целерационального хозяйственного и административного действия,

которые стали, согласно диагнозу У.Вебера, независимыми по отношению к своим морально-практическим основам.

В то же время жизненный мир остается такой подсистемой, которая определяет состояние общественной системы в целом. Системные механизмы нуждаются в укоренении в жизненном мире, т.е. нуждаются в институционализации. В племенных обществах системная дифференциация ведет лишь к тому, что возрастает сложность структур системы родства. На более высоких ступенях появляются новые социальные структуры, а именно государства и хозяйственная подсистема, управляемые такими средствами, как деньги и власть. Системные связи, которые при низкой степени дифференциации еще тесно сплетены с механизмами социальной интеграции, в современных обществах уплотняются в свободные от норм структуры. Формально организованные, управляемые посредством денег и власти системы действия представляются актерам как какая-то природная реальность.

Теория современного общества неотделима у Хабермаса от общей теории модерна, которая разрабатывается им в жесткой теоретической соотнесенности с теоретическими концепциями Т.Парсонса, М.Вебера, К.Маркса, Г.Лукача, Т.Адорно и М.Хоркхаймера.

В своей теории модерна Хабермас особо подчеркивает значимость двух тезисов. Во-первых, расчленение системы и жизненного мира является необходимым условием для перехода от статусно-стратифицированных обществ европейского феодализма к экономическим классовым обществам раннего модерна. При этом система являет собою формально организованные сферы действия в области экономики и политики (хозяйство и государство), а жизненный мир структурируется коммуникативно как частная и общественная сфера. Во-вторых, капиталистический образец модернизации характеризуется тем, что символические структуры жизненного мира под воздействием императивов подсистем хозяйства и

государства, становящихся через такие символические средства обмена, как деньги и власть, самостоятельными, искажаются, или овеществляются. Капиталистическая модернизация следует образцу, в соответствии с которым формальная рационализация через сферы экономики и государства проникает и в другие, коммуникативно-структурированные сферы, приобретая здесь преимущество за счет морально-практической и эстетико-практической рациональности, и вследствие этого вызывает нарушения в символическом воспроизводстве жизненного мира.

Прогрессирующе рационализируемый жизненный мир одновременно и освобождается, и попадает в зависимость от экономики и государственного управления. Зависимость проявляется в "опосредовании" жизненного мира "системными императивами". Зависимость может принимать социально-патологические формы "внутренней колонизации". Но прежде чем аналитически обозначить тот порог, за которым "опосредование" жизненного мира превращается в колонизацию, целесообразно уточнить взаимоотношения между системой и жизненным миром.

а) Капитализм и современное государственное устройство предстают как подсистемы, которые с помощью таких средств, как деньги и власть вычлняются из системы институтов, т.е. из общественного компонента жизненного мира. Жизненный мир реагирует на это своеобразным способом. В буржуазном обществе формируются социально интегрированные сферы действия, противостоящие системно интегрированным сферам хозяйства и государства. Речь идет о взаимодополняющих друг друга сферах приватности и общественности. Институциональное ядро приватной сферы образует малая семья, освобожденная от хозяйственных функций и специализирующаяся на задачах социализации. Институциональное ядро общественности - это коммуникационные сети, которые поддерживаются культурой с ее учреждениями, прессой, а позднее и средствами массовой информации.

Если монетаризация и бюрократизация, присущие хозяйственной и государственной сферам, проникают и в символическое воспроизводство жизненного мира, а не только в его материальное воспроизводство, то неизбежно возникают патологические побочные следствия.

б) Хозяйственная подсистема подчиняет себе "жизненную форму частного дома", навязывает потребителям свои императивы. Это обуславливает консумизм, собственнический индивидуализм, установки на достижение и конкуренцию. Повседневная коммуникативная практика подвергается односторонней рационализации в пользу утилитаристского жизненного стиля, которому привержены специалисты. А такая ориентация на целерациональные ориентации действия вызывает появление свободного от давления рациональности гедонизма.

Подобно тому, как частная сфера подчиняется хозяйству, так и общественность попадает под господство административной системы. Бюрократическое овладение процессами складывания общественного мнения и волеизъявления расширяет возможности целенаправленного формирования массовой лояльности.

в) "Процессы понимания, на которые центрируется жизненный мир, обуславливают потребность в культурной традиции во всем ее объеме" (5, с. 483). В повседневной коммуникативной практике когнитивные толкования, моральные ожидания, способы выражения и оценки должны образовывать рациональную связь. Коммуникативная инфраструктура такого рода подвергается угрозе с двух сторон: ей угрожают тенденции "системно индуцированного овеществления" и "культурного обеднения".

г) Рационализация жизненного мира делает возможным вычленение самостоятельных подсистем и в то же время открывает "утопический горизонт" буржуазного общества, в котором формально организованные сферы действия (экономика и государственный аппарат) образуют основу для

посттрадиционного жизненного мира человека (сфера приватности) и гражданина (сфера общественности).

Деформации, которыми занимались Маркс, Дюркгейм и Вебер, нельзя сводить ни к рационализации жизненного мира вообще, ни к возрастающей системной сложности как таковой. Ни секуляризация картин мира, ни структурная дифференциация сами по себе не ведут с неизбежностью к патологическим побочным эффектам. Вычленение и своеобразное развертывание сфер культуры не ведут к культурному обеднению повседневной коммуникативной практики. К этому приводит отпадение от повседневной деятельности "экспертных культур". Отчленение подсистем, управляемых деньгами и властью, с их организационными формами от жизненного мира не ведет само по себе к односторонней рационализации или овеществлению повседневной коммуникативной практики. К этому приводит проникновение форм экономической и административной рациональности в те сферы действия, которые противятся переориентации на деньги и власть, поскольку остаются специализированно связанными с культурной традицией, социальной интеграцией, воспитанием, а также остаются ориентированными на взаимопонимание как механизм координации действия.

Если мы хотим объяснить патологии, проявляющиеся, по мнению Хабермаса, прежде всего в утрате смысла и свободы, то следует указать на неудержимую собственную динамику подсистем, управляемых деньгами и властью, которая означает одновременно колонизацию жизненного мира с присущим этому процессу ограничением возможностей науки, морали и искусства.

Подводя итог и реконструируя в сжатом виде многообразное исследование модерна у Хабермаса, мы получаем следующий "образ" этой эпохи, по Хабермасу.

1. Рационализация жизненного мира через переориентацию на деньги и власть. 2. Вычленение хозяйства и государства

как систем, для которых жизненный мир становится "окружающим миром". 3. Значительная динамика экономического роста, с одной стороны, автономизация управления в бюрократическо-социалистических обществах - с другой. 4. Возникновение неравновесий и кризисов в системах, появление вследствие этого патологий жизненного мира: овеществление коммуникативных отношений в капиталистических обществах и ложная демонстрация коммуникативных отношений в социалистических обществах.

Список литературы

1. Habermas J. Erkenntnis und Interesse. - Frankfurt a.m.: Suhkamp, 1968. - 364 S.
2. Habermas J. On the logic of the social sciences. Cambridge Policy press, 1988. - XVI, 220 p.
3. Habermas J. Zur Rekonstruktion des Historischen Meterialismus. - Frankfurt a.M.: Subkamp, 1976. - 346 S.
4. Habermas J. Theorie des Kommunikativen Hendlans. - 3, durchges. Aufl. - Frankfurt a.M.: Suhkamp, 1985. -Bd 1: Handlungsrationaliät und gesellschaftliche Rationalistierung. - 534 S.
5. Habermas J. Theorie des kommunkatlvn Handelna. -3, durchges. Aufl. - Frankfurt a.M.; Suhrkamp, 1985. Bd 2; Zur Kritik der funktionalischen Vernunft. -641 S.
6. Berger J. Die Versprechlichung des Sakralen und dia Entsprachlichung der Ökonomie // Kommunikatives Handeln / Hrgs. von Honneth A., Joas H. - Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1986. - S.255-27.
7. Bernstein R. Introduction // Habermts and modernity / Ed. by Bernstein R. - Cambridge; Policy press; Oxford: - Blackwell, 1985. - P.1-34.
8. Dux G. Kommunkative Vernunft und Interesse // Kommunikativee Handeln / Hrgs. von Honneth A., joas H. -Frankfurt a.M.: Surkamp, 1986. - S.110-143.
9. Giddens A. Reason without revolution? Habermas' "Theorie des kommunikativen Handelns" // Habermas and modernity / Ed. by Bernstein R. - Cambridge; Policy press; Oxford; Blackwell, 1885. - P.95-121.

10. Honneth A., Joss H. Einleitung // Kommunikatives Handeln / Hrsg. von Honneth A., Joss H. - Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1986. - S.3-13.
11. McCarthy Th. Reflections on rationalization in the "Theory of communicative action" // Habermas and modernity /Ed. by Bernstein R. - Cambridge; Policy press; Oxford: Blackwell, 1985. - P.161-176.
12. Mikl-Herke G. Soziologie; Historischer Kontext und soziologische Theorie-Entwürfe. - München» Wien: Oldenbourg, 1989. - XIII, 343 S.
13. Pusey M. Jürgen Habermas. - N.Y.: Tavistock, 1987. -128 p.
14. Roderick R. Habermas and the foundations of critical theory. - N.Y.: St.Martin's press, 1986. - XII, 194 p.
15. Sell M. Die zwei Bedeutungen 'kommunikativer' Rationalität: Bemerkungen zu Habermas Kritik der pluralen Vernunft // Kommunikatives Handeln / Hrsg. von Honneth A., Joas H. - Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1986. -S.53-72.
16. Unkritische Theorie; Gegen Habermas / Hrsg. von Bolte G. Luneburg: zu Klampen, 1989. - 145 S.
17. White St.K. The recent work of Jürgen Habermas: Reason, justice and modernity. - Cambridge: Cambridge univ. press, 1988. - XII, 190 p.